

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Вероники Аркадьевны Щербаковой «*Повести В.П. Астафьева рубежа 1950-1960-х гг. в художественной парадигме писателя*», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. Русская литература

Актуальность исследования В.А. Щербаковой не вызывает сомнений по нескольким причинам. Во-первых, в зоне внимания молодого ученого — творческая индивидуальность одного из наиболее значительных прозаиков второй половины прошлого столетия, игнорируя литературное наследие которого, невозможно создать научное описание сложнейшей историко-литературной эпохи. Во-вторых, в канун столетнего юбилея выдающегося писателя абсолютно очевидной становится потребность в реинтерпретации ключевых фактов его литературной биографии в обновляющемся, усложняющемся контексте.

Надо отметить, что В.А. Щербакова демонстрирует смелость при определении объекта и предмета исследования, которые в той или иной степени отработывались в разных разделах литературоведения авторитетными специалистами. Ведь исследовательским вниманием В. Астафьев не обойден. В диссертационной преамбуле приведен весьма внушительный список авторитетных имен (А.Н. Макаров, Н.Н. Яновский, В.Я. Курбатов, А.Л. Ланщиков, А.Ю. Большакова, Т.М. Вахитова и мн. др.). Очевидно, что уже сложились разные подходы к оценке творчества Астафьева в общем контексте советской литературы, «военной» и «деревенской прозы» не только в в отечественном, но и в зарубежном литературоведческом и культурологическом дискурсах. **Новизна** выполненного В.А. Щербаковой **исследования** определяется оригинальностью предложенного и вполне реализованного аналитического подхода. Диссертантка сосредоточена на формировании жанровой системы, «*поэтико-стилистической специфике, персонажной сфере и проблемно-тематической парадигме творчества писателя*» (см. автореферат, с. 3). Эта исследовательская программа огромна, но ее удалось все-таки концептуализировать, что проявилось в аналитическом алгоритме, сформированном при доминирующей установке на целостный анализ литературного текста с неизменным вниманием к его антропологическому пафосу. Например, резюмируя свои наблюдения над образом Сибири, В.А. Щербакова отмечает его «*антропоморфное обличье*» (с. 86).

Также следует обратить внимание на эмпирическую базу рецензируемой диссертации, включающую не только ранние («пермские», «уральские»), несправедливо обделяемые исследовательским вниманием повести писателя, в которых «*кристаллизуется жанр автобиографической повести*» (с.52), но и публицистические, эпистолярные, биографические материалы, прозу

современников и предшественников. Мы знаем, как активно и результативно работает Астафьевский центр в Красноярском государственном педагогическом университете, какие замечательные сборники астафьевских материалов там создаются. И было опасение, что эти материалы никогда не будут введены в полном объеме в научный дискурс. Теперь об этих опасениях, наверное, можно забыть. Сегодняшняя защита показывает, что выросло новое поколение исследователей, которое этот огромный историко-литературный материал уже заметило и обладает всеми необходимыми научными компетенциями для его обработки.

Но нам представляется, что главное достижение В.А. Щербаковой — создание оригинального, непротиворечивого, завершенного, в целом гармоничного, несмотря на многообразие решаемых задач, научного сюжета, единство которого, повторяюсь, обеспечивается установкой на исследование антропологического содержания созданного писателем художественного мира. Именно в этом выражается глубинная связь рецензируемого исследования с вызовами современной эпохи, на которые в прошедшее десятилетия, прежде всего, откликнулись культурологи (см., например, монографию Л.А. Черной «Антропологический код древнерусской культуры», 2008 и др.). В этом смысле абсолютно закономерно, что смысловым ядром аналитической второй главы («Доминанты стратегии повествования повестей В. Астафьева рубежа 1950-1960-х годов») и двух разделов первой является оригинальная и вполне самостоятельная интерпретация художественной презентации того или иного типа-персонажа: «*обобщенного образа героя-сироты*» (с. 44), учителя (наставника), сибиряка (особенно *робинзона-сибиряка* (с. 92-93)).

Кроме того, наблюдения и выводы В.А. Щербаковой чрезвычайно важны для создания научной концепции творческой эволюции писателя. Абсолютно выверенным можно считать положение об изначальном высочайшем этическом напряжении его художественного слова, которое в кульминационный период разовьется в особую форму дидактичности. Вызывает интерес неожиданная, полемичная по отношению к высказываниям авторитетных предшественников (А. Макарова, А. Михайлова) оценка повести «Стародуб» (с. 54).

И наконец, можно назвать целый ряд фрагментов, в которых представлены весьма показательные, иногда неожиданные, но всегда оправданные, мотивированные сближения с фольклорным и/или литературным контекстом.

Наибольший интерес в этом сюжетном повороте вызывают фрагменты, в которых проявлено астафьевское внимание к поэтике народной сказки и легенды (с. 106), его «*причастность к песенному фольклору*» - песенные пристрастия (с.87-88, 107), параграф, в котором сравниваются астафьевский автобиографический персонаж и герои «молодежной прозы», изображение детей в прозе Астафьева и в произведениях Л. Сейфуллиной, А. Неверова, А. Макаренко, М. Шолохова. В этой связи хотелось бы обратить внимание на высокую историко-литературную эрудицию диссертантки. Вводя в свой сюжет

то или иное явление, факт, она не ограничивается привычными перечислительными рядами. Например, представление В.А. Щербаковой о «молодежной прозе» не исчерпывается давно сложившимся стереотипом: В. Аксенов, А. Гладилин, А. Кузнецов. Она знает не только В. Войновича, но и Б. Балтера.

При создании диссертации автору удалось преодолеть возникающие после знакомства с установочной частью опасения в излишней, малооправданной ее терминологичности. Спасает, как нам кажется, соблюдение классической традиции при работе с терминологией, точнее, классических способов введения терминологических единиц в текст, т. е. через непереносимое дефинитивное описание. В этом отношении эталонным можно считать раздел 1.1 «*Персонаж, герой, тип: о типологии астафьевского героя*», свидетельствующий о хорошей литературоведческой подготовке диссертантки, без которой невозможно было бы освоить теоретический материал от Аристотеля, Г. Э. Лессинга, М.М. Бахтина до Л.Я. Гинзбург, В.Е. Хализева, Н.И. Николаева. Забегая вперед, скажу, что касается теоретической базы исследования, только с определением повествовательной стратегии как «*способа достижения цели повествования*» (с. 16) трудно согласиться, т. к. далее, при описании стратегии автор говорит о «*достоверности и выразительности*», что соответствует пониманию стратегии как принципа повествования. Но это нюансы. Радостно, что, видимо, школа, которую прошла диссертантка, не позволила ей говорить о стратегии, например, как о «редупликации смысла в режиме аукториальной раскладки эстетического целого» (Безруков А.Н.).

Необходимо отметить и то, что тема В.А. Щербаковой чрезвычайно **перспективна**, несмотря на традиционность предложенного аналитического прочтения литературных текстов, потому что находится в зоне формирования нового подхода к творчеству Астафьева как репрезентативному феномену советской (и в более широком плане – русской) культуры. При чтении диссертационного текста легко улавливается указание на необходимость исследования нескольких разномасштабных проблем, интерес к которым в значительной степени определяет творческую индивидуальность писателя:

- толчок к переосмыслению сюжетных ходов, связанных с художественным исследованием «*природы злого поступка, недоброго дела*» (с. 68);

- установку на изучение художественной концептологии Астафьева, ядром которой при определенных условиях может стать концепт «*небесный камень*» (с. 80);

- значительность аналитического прочтения всей глубины персонажного имени — исследование поэтики имен, географических наименований (см. раздел о гидронимах).

Это практически прописанная диссертанткой очевидная исследовательская перспектива.

Но как любое серьезное исследование актуальной научной проблемы диссертация В.А. Щербаковой дает основания для размышлений. Тут сразу заметим, что не считаем ни необходимой, ни возможной корректировку предложенной диссертанткой интерпретации смысловой структуры ключевых персонажей, потому что о деталях можно спорить, но особого смысла в таком споре нет, ибо в данном случае мы работаем со сложнейшей художественной системой, компоненты которой обречены на вариативную рецепцию, оправдываемую системностью научных представлений интерпретатора, его осведомленностью, вкусом.

Наши сомнения, связанные с дефиницией термина *стратегия повествования* (мы уже их изложили). Вторая зона рефлексии — атрибуция некоторых художественных приемов и средств. Первый пример — со стр. 20 (автореферат) — цитата из повести «Кража». В данном случае не просто внутренний монолог, а его «особая версия» (с. 158) - внутренний монолог в форме несобственно-прямой речи как средство передачи детского восприятия. С середины 1950-х с легкой руки В.Ф. Пановой (повесть «Сережа», 1955) эта писательская стратегия превращается в мощный знак не только собственно литературной, но и социально-исторической идеологии. Второй пример — на стр. 20 (см. текст диссертации) приводится оценочное высказывание писателя, которое автором диссертации названо обценным. Трудно согласиться: инвективное, табуированное — да.

Третье замечание связано с реферативной частью работы. Уже говорилось о том, что объем реферируемых работ весьма и весьма внушителен. Наверное, в таких случаях самый продуктивный выбор презентации научных концепций предшественников — проблемно-тематический, который не позволил бы игнорировать работы зарубежных исследователей, приведенные в списке литературы или в этом списке отсутствующие, актуализирующие социологически-поэтический подход к «деревенской прозе» в целом и к Астафьеву в частности (например, монографии Д. Брауна, А. Хирша и др., правда, они не переведены на русский язык).

Кроме того, представляется, требуют уточнения разделы, посвященные «основам методологии» и «методологической базе» исследования. В чем смысловая разница этих текстовых единиц?

И наконец, технологический аспект оценки рецензируемой работы, который никак не может повлиять на ход нашей научной дискуссии. Более того, сразу следует сказать, что работа хорошо написана и вычитана. Даже лексических повторов минимум. Более того, кажется, что речевая форма диссертации определяется абсолютной погруженностью автора в исследуемый материал, влиянием стилистики этого материала. Приведу только один пример со стр. 104, где диссертантка говорит о «запевных главах «Последнего поклона». Можно отметить только немногочисленные нарушения требований к оформлению сносок (см. стр. 25), отсутствие необходимых ссылок (например,

на стр. 48, 95).

Научная концепция, судя по списку публикаций ее автора, прошла серьезную апробацию. Основные авторские идеи, научные представления и исследовательская логика в достаточной степени отражены в опубликованных статьях и автореферате. **Теоретическое и практическое значение** диссертационного исследования убедительно описаны в установочной части диссертации.

Диссертация Вероники Аркадьевны Щербаковой на тему «*«Повести В.П. Астафьева рубежа 1950-1960-х гг. в художественной парадигме писателя»*», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. Русская литература» соответствует требованиям п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842, от 24.09.2013 г., а ее автор, В.А. Щербакова, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. Русская литература.

29 марта 2022 г.

Официальный оппонент, доктор филологических наук, доцент, профессор
Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета

Н.С. Цветова

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Личную подпись

ЗАВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ

Краснова Е.П.

29.03.2022

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
г. Санкт-Петербург, 199053
1-я линия Васильевского острова, д. 26
Телефон: 8(812) 329-94-59
Сайт: <https://spbu.ru>
Электронная почта: <https://mail.spbu.ru>